

ОНИПЕНКО Н. К. •

О СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В теории членов предложения со времен Ф. И. Буслаева выделяют обстоятельства причины. «Это обстоятельства, обозначающие причину или основание действия либо причину возникновения признака, выражаются наречиями причины, косвенными падежами существительных, фразеологическими сочетаниями» [1]. Однако это и подобные ему определения (ср., например, определение обстоятельственных детерминантов в Грамматике-80 [2]) не отражают всей сложности тех языковых явлений, которые объединяют под общей рубрикой обстоятельств причины. Еще в работах 50—60-х годов, когда в русистике наблюдалось усиление интереса к способам выражения причинно-следственных отношений¹, отмечались сложность и необходимость дифференциации обстоятельств причины, что закрепилось в оппозиции терминов «причина внешняя» — «причина внутренняя»². Имелось в виду разграничение (а) причины как принадлежащего субъекту предложения качества, свойства и (б) причины как внешнего события. Ср. примеры:

(а) «Он поймал себя на мысли, что месяц назад он не сделал бы этого не из робости, а попросту из отсутствия любопытства к людям» (К. Паустовский, Черное море); «Я хочу предупредить о том, что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе» (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

(б) «Там неловкими от холода пальцами Екатерина Дмитриевна развязывала лиловые ленты» (А. Н. Толстой, Хожение по мукам); «Он писал теперь с юга России, где находился по чьему-то частному, но важному поручению» (Ф. М. Достоевский, Бесы); «Я не могу, хоть самому смешно, /Из-за какой-то волноваться кляксы» (Л. Мартынов, Утешитель).

Но деление предложений, выражающих причинно-следственные отношения между двумя (или более) событиями, по признаку внутреннего/внешнего причинения, ограниченное рамками теории членов предложения (которая «выстраивает все отношения к одну шеренгу» [7, с. 277]), не объясняло структуры многих каузативных конструкций (как теперь называют предложения, выражающие причинно-следственные отношения [8, с. 6—7]). В это деление не укладываются предложения типа *Она ругала сына за неаккуратность; Его уволили по старости; За прогул вызвали в школу отца* [9].

Вследствие определенной узости теории членов предложения ее терминологическая система порождает формулировки, неадекватно представляющие анализируемый языковой материал, см., например: «*по* + дат. п.» означает внутреннее основание действия (Да и с дьяком случилась история по ошибке. — Горьк.)» [10, с. 292]; «*по* + дат. п.» — внутреннее логическое основание — *готов убить по глупости*» [11]; «*из* + род.» стала обозначать внутреннюю, осознанную субъектом причину его действия, заложенную в нем самом» [10, с. 380].

Но материал «восстает», опровергает эти формулировки: ни *ошибка*, ни *глупость* не могут быть «внутренним основанием действия», так же

¹ В эти годы появилось несколько диссертационных исследований, см., например, [3—5].

² «Под термином „внутренняя причина“ нужно понимать только то, что причиной действия являются чувства, психическое состояние лица, а под термином „внешняя причина“ — только то, что причиной, вызывающей действие, являются предметы и явления окружающей действительности» [6].

как и *вредность характера, каприз, кокетство* (из *вредности, из каприза, из кокетства*) не могут быть «внутренней осознанной субъектом причиной»; *ошибка, глупость, вредность* и т. п. — слова оценочной семантики, которые могут принадлежать только тому, кто воспринимает и познает каузативную ситуацию³. Таким образом, термин «внутренняя причина» ограничивает возможность увидеть важный аспект каузативных конструкций — их непосредственную связь с познающим причинно-следственные отношения и говорящим об этом⁴, с его положением во времени и пространстве, с его жизненным опытом, его морально-этическими установками, т. е. с его точкой зрения.

Проблема «точки зрения» разрабатывается как в теории художественной литературы⁵, так и в лингвистических исследованиях⁶. Роли «точки зрения» в структуре художественного текста посвящена книга Б. А. Успенского «Поэтика композиции», в которой автор убедительно доказывает, что «структуру художественного текста можно описать, если исследовать различные точки зрения, то есть авторские позиции, с которых ведется повествование (описание), и исследовать отношение между ними (определить их совместимость или несовместимость, возможные переходы от одной точки зрения к другой, что в свою очередь связано с рассмотрением функции использования той или иной точки зрения в тексте)» [17, с. 10—11]. Способность человека «представлять себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения» оказывает существенное влияние на «использование языка» [15, с. 313], чем и объясняется особый интерес лингвистики к этой проблеме.

Б. А. Успенский указывает, что лингвистические средства выражения точки зрения⁷ используются автором текста для двух целей: «для характеристики того лица, к которому относятся данные признаки» (с этой функцией связана проблема «языковой личности». — *О. Н.*), и «для конкретного адресования в тексте к той или иной точке зрения, используемой автором, то есть для указания некоторой конкретной позиции, которая используется им при повествовании» [17, с. 25—26]. При этом для литературоведа наиболее важным оказывается «образ автора» (объективный наблюдатель, рассказчик, или автор сказа, и герой-рассказчик в «Ich-Erzählung») и его связь с точками зрения героев его произведения; литературовед выстраивает иерархию точек зрения «сверху вниз», от целого к его компонентам. Лингвист же подходит к тому же материалу с противоположной стороны, «снизу вверх», от части к целому, от предложения к тексту⁸. Таким образом, перед нами два подхода к слову в художественном тексте, две задачи: первая — доказать, что не все слова данного произведения «принадлежат» автору его; вторая — доказать, что не все слова

³ Каузативной ситуацией называют минимальное звено причинно-следственной цепи, которое состоит из двух событий, связанных отношениями причинения [8, с. 6—7].

⁴ Ниже будут рассмотрены предложения, в которых говорящий и познающий (воспринимающий) каузативную ситуацию совпадают в одном лице.

⁵ В. В. Виноградов отмечает важность этой проблемы при исследовании «образа автора» в сказовой литературе [12, с. 84—166], М. М. Бахтин решает проблему «точки зрения» на материале полифонического романа [13], Ю. М. Лотман рассматривает «точку зрения» как определенный способ «ориентированности художественного пространства» [14].

⁶ См., например, о понятии эмпатии в работах У. Чейфа [15, с. 313] и В. З. Демьянкова [16].

⁷ «Точка зрения» может иметь специальные средства выражения: модальные слова, оценочные прилагательные. Однако и другие средства языка, другие его категории определенным образом отражают точку зрения говорящего, ср., например, рассуждение Ю. Д. Апресяна по поводу видового противопоставления глаголов *кончалась* — *кончилась*: «В те времена дорога кончалась около леса — в порядке представления объективной действительности, то есть независимо от того, мыслим ли мы кого-нибудь идущим или едущим по дороге или нет...». Изменение глагольного вида «Дорога кончалась около леса сразу вводит в нее (в общую картину. — *О. Н.*) фигуру наблюдателя» [18, с. 8—9].

⁸ На два возможных способа анализа художественного текста указывает В. В. Виноградов [12, с. 226—227]. См. также рассуждение Ю. С. Степанова о двух основных значениях слова «субъект» и о преодолении прагматикой пропасти между этими значениями [19].

данной синтаксической конструкции «принадлежат» ее субъекту, т. е. что не все слова связаны с точкой зрения субъекта-деятеля (агенса). Отсюда возникает проблема «субъектной перспективы предложения» [7, с. 276] (шире — субъектной перспективы текста).

Глагольные каузативные конструкции, простые предложения с предложно-падежными способами выражения причинно-следственных отношений, сложные предложения с придаточными причины и следствия являются различными способами представления каузативной ситуации. Выбор одного из способов выражения каузативных отношений определяется точкой зрения говорящего (автора высказывания)⁹, именно поэтому исследование природы каузативных конструкций неразрывно связано с решением проблемы «субъектной перспективы предложения». В субъектной перспективе каузативных конструкций можно различать: (а) субъекта (субъекта действия, субъекта состояния и т. д.) исходной (неосложненной, монопредикативной) модели предложения, (б) субъекта-каузатора, (в) субъекта, познающего каузативную ситуацию, или субъекта оценивающего, и (г) субъекта-говорящего, автора высказывания¹⁰. См., например: *Она, по-видимому, не знала, что муж поехал по приказу начальства* — (а) муж поехал, (б) начальство приказало, (в) она не знала этого, (г) я думаю (что она не знала этого). Иногда все типы субъектов совпадают в одном лице: *По рассеянности я взял не ту книгу* (в упрощенном виде это можно представить так: я взял, я рассеянный, я считаю, что сделал так по рассеянности, и я говорю об этом).

При учете общей иерархии субъектов оказывается возможным более точно, последовательно разграничить каузативные конструкции по характеру причинения. Если субъект-деятель (а) и субъект-каузатор (б) совпадают в одном лице, то данные каузативные конструкции односубъектные (1); если субъект (а) и субъект (б) не совпадают в одном лице, то это двусубъектные (или полисубъектные) каузативные конструкции (2), см., например:

(1) «...а ваша маменька тоже рассказывать мне пустилась *по великой своей неделикатности*» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Из любви к родине* солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад — *из любви к истине*. Землю перестраивают *из любви к прекрасному*. А ты что сделал *из любви к девушке?* — Я отказался от нее» (Е. Шварц, Обыкновенное чудо); «Буржуазные газеты захлебывались *от восторга*» (Ю. Кларов, Розыск).

(2) «Николай Иванович решил, что *по случаю семейных настроений* необходимо поехать в кабак» (А. Н. Толстой, Хождение по мукам); «*От солнца, от света* звенит голова» (Э. Багрицкий, Стихи о соловье и поэте); «Поругивал февраль/*за ветер и за слякоть*» (Г. Корин, На Московской окружной дороге); «*Из-за какого-то дурака* ты себе здоровье не хочешь поправить» (В. Шукшин, Беседы при ясной луне).

Непосредственная связь каузативной конструкции с субъектом оценивающим (а здесь и говорящим) вытекает из самого характера отношений причинения: это — логические отношения, т. е. отношения, устанавливаемые логически мыслящим субъектом, отношения как результат оценки всех компонентов данной каузативной ситуации.

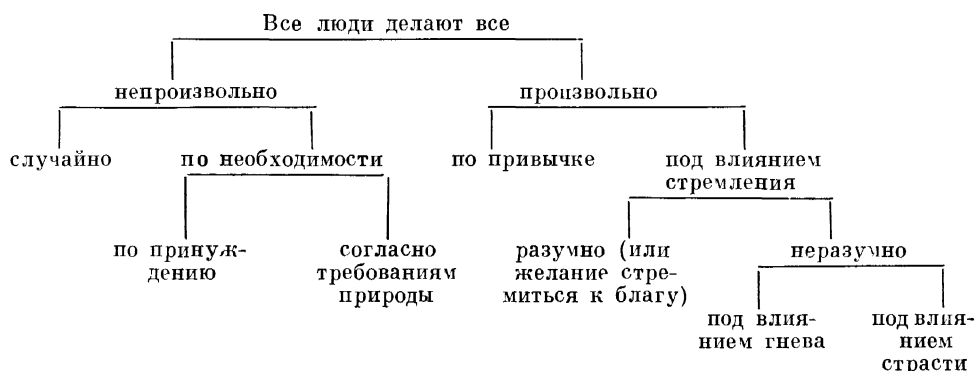
⁹ Глагольные каузативные конструкции — своеобразная фотография каузативной ситуации, т. к. перед нами — сам процесс причинения (*Мальчик поит лошадей* — Мальчик дает возможность лошадям утолить жажду), от причины к следствию; предложения типа *Она промолчала из вежливости* представляют процесс познания отношений причинения, от известного следствия к неизвестной причине; сложные предложения как каузативные конструкции полифункциональны: кроме уже названных функций сложное предложение может выражать обоснование логического вывода, т. е. причинно-следственные отношения между двумя высказываниями (*Ты не можешь этого знать: тебя тогда в Москве не было*).

¹⁰ «Я» говорящего — это высшая ступень в иерархии субъектов: «Индивидуальность, которую система языка скрывает под именем „человек“, имеет полюс, индивидуальность в высшей степени — „Я“ самого говорящего, и язык постоянно оперирует этим полюсом как мерой индивидуальности имен, субъектов предложений и, соответственно, их предикатов» [20].

Говорящий, автор высказывания, познавая окружающую его действительность, оценивая ее, устанавливая связи между событиями и явлениями, воплощает свои знания в особого рода высказывания — каузативные конструкции — в зависимости от способа представления каузативной ситуации: перспективные — от причины к следствию (*Его появление вызвало общий смех*) — и ретроспективные¹¹ — от следствия к причине (*Она не пришла из-за болезни брата*). Последние и являются предметом данного исследования.

Наиболее сложным и интересным оказывается тот тип ретроспективных каузативных конструкций, в которых говорящий сообщает о субъекте, способном к логическому мышлению: в этой речевой ситуации можно выделить точку зрения действующего субъекта и точку зрения субъекта познающего-говорящего и тем самым более точно определить специфику именных средств каузации — предложно-падежных форм со значением причины, или именных каузативных синтаксисом [22, с. 39—83].

Опыт типологии причин человеческих поступков был предпринят еще Аристотелем в его «Риторике» [23, с. 49]. Комментаторы Аристотеля представили эту классификацию следующим образом [23, с. 298]:

Эта схема наглядно показывает нам ход рассуждений Аристотеля. Однако комментаторы не обратили внимания на одну особенность, которая важна с точки зрения наших задач: они заменили первую фразу рассуждения о причинах «Все люди делают одно непроизвольно...» на «Все люди делают все...». Таким образом, принципиальное положение об однозначном соответствии характера следствия (поступка) и характера причины оказалось неучтенным. Но то, чего не учли комментаторы Аристотеля, должен учитывать и учитывает каждый носитель языка, каждый говорящий, высказывающий суждение по поводу познанных им причинно-следственных отношений.

Если принять во внимание тот факт, что оценка любого поступка во многом субъективна, т. е. зависит от точки зрения говорящего, то и действие (состояние, качество), выраженное в исходной (неосложненной) модели предложения, может быть по-разному оценено с разных точек зрения, тем самым модель может представлять разного типа следствия, порожденные разного рода причинами. Отсюда напрашивается вывод о том, что на базе одной модели предложения можно образовать несколько различных каузативных конструкций.

Ниже будет сделана попытка доказать этот тезис на материале двух именных каузативных синтаксисов: *из + род. п.* (*из гордости, из ревности, из солидарности*) и *по + дат. п.* (*по рассеянности, по ошибке, по глупости*). Каузативные конструкции с этими синтаксисами будут рассмотрены в их непосредственной связи с точкой зрения говорящего, познающего

¹¹ Иногда подобные высказывания называют «инверсивными каузативными конструкциями» [8, с. 15]. Однако задолго до появления этих терминов для подобных конструкций употреблялось слово «мотивировка»: «Предлог *от* (с род. п.) обозначает и внешнюю, и внутреннюю мотивировку качества или действия — обоснование чего-нибудь как следствия, ссылкой на какое-нибудь явление или действие, послужившее причиной...» [21].

данные причинно-следственные отношения, что позволит восстановить субъектную перспективу этих конструкций.

Выбранные для анализа именные каузативные синтаксемы во многом отличаются друг от друга:

1) Они образованы на базе разных по своим синтаксическим возможностям предложно-падежных форм. Если *из + род. п.* дает только односубъектные каузативные конструкции, то *по + дат. п.* образует как односубъектные, так и двусубъектные каузативные конструкции:

из + род. п. (односубъектные каузативные конструкции): «...вчера он рассказывал постороннему лицу, что она держит его *из тщеславия*» (Ф. М. Достоевский, Бесы); «Вера Никандровна улыбнулась только *из деликатности*» (К. Федин, Необыкновенное лето); «И только через минуту похлопали *из вежливости*» (Ю. Бондарев, Берег); «...многие пациенты, страдающие тяжелыми заболеваниями, *из ложной стыдливости* не обратились к проктологу» (Здоровье, 1983, № 9);

по + дат. п. (односубъектные каузативные конструкции): «Ты не думай, что я *по глупости* сейчас сбрендил; я понимаю, что говорю» (Ф. М. Достоевский, Бесы); «Гая *по близорукости* не заметила моего исчезновения» (К. Паустовский, Повесть о жизни); «Веденеев *по молодости лет* почти не был знаком с китайской классикой» (А. и Б. Стругацкие, Шесть спичек); «...и со скоростью мысли он передвигался только *по рассеянности и выпивши*» (В. Орлов, Альтист Данилов);

по + дат. п. (двусубъектные каузативные конструкции): «...все бытие было создано лишь *по эвклидовой геометрии*» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); «...Живем *по общепринятым законам*» (С. Ковалевский, Мы оживляем прошлое с трудом...); «Но вот артистом никогда не стану, /раз *по команде* не сумел упасть» (И. Рыбинский, Снимали бой); «...старички..., *по давней никольской традиции* привыкшие надевать на работу и в баню что похуже» (В. Орлов, Происшествие в Никольском).

Если *из + род. п.* образует только одну каузативную синтаксему (*из вежливости, из тщеславия, из самолюбия, из великодушия* и т. п.), то *по + дат. п.* образует несколько синтаксем, выражающих причину. Обладая одинаковой морфологической формой, синтаксемы различаются категориальной семантикой имени и набором синтаксических функций, возможных для каждой из синтаксем *по + дат. п.*: (а) *по приказу директора, по совету родственников, по договору, по закону*, которые образуют двусубъектные каузативные конструкции; эти синтаксемы располагают наиболее широкими синтаксическими возможностями, и поэтому их относят к свободным¹²; (б) *по забывчивости, по недоразумению, по неосторожности*, свободные, образующие односубъектные каузативные конструкции; (в) связанные синтаксемы в словосочетаниях с глаголами *тосковать, грустить, плакать по кому-либо, чему-либо* (отсутствие объекта каузирует чувства субъекта); (г) обусловленные синтаксемы в моделях со значением каузации информации с глаголами *знать, узнавать, понять, почувствовать по глазам, улыбке, по одежде* (наличие признака каузирует информацию).

2) Несмотря на то, что обе выбранные для сопоставления именные каузативные синтаксемы образуют односубъектные каузативные конструкции на базе одной и той же первичной модели — «субъект (агенса) и его действие», полученные при этом предложения выражают две разные каузативные ситуации, т. е. являются разными по типу каузативными конструкциями. Специфику же каждой из них можно выявить только с учетом точки зрения автора высказывания, с учетом субъектной перспективы этих предложений. Так вводится еще один субъект, тот, который не назван (т. к. находится вне данной каузативной ситуации), но который познает и, как правило, сообщает, а следовательно, определенным образом отражает себя в своем речевом произведении. Попробуем показать это на одном примере: «Старуха не заперла за ним, может быть, *из осторожности*» (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание).

¹² О делении синтаксем (тогда еще «синтаксических форм слова») см. [7, с. 30—120].

Автор высказывания (Раскольников) видит отворенную дверь, он приходит в ужас, ведь могут быть свидетели его преступления (кроме мертвой Лизаветы). Он начинает судорожно вспоминать, кто мог открыть дверь. Старуха! Но почему? Раскольников знал, что старуха-процентщица всегда запирает дверь, она никогда не забывает о двери: она жадна, и поэтому с подозрением относится к каждому входящему в эту дверь. Значит, не запереть *по рассеянности (по забывчивости)* она не могла. Скорее всего, она умышленно оставила дверь открытой. Так Раскольников (субъект мыслящий) оценивает следствие как целенаправленное действие субъекта-агенса. Непосредственной причиной этого действия в сложившейся ситуации (каузативной ситуации) может быть только целевая установка субъекта агенса: иметь возможность позвать на помощь или иметь путь к отступлению. Наличие этой целевой установки («Надо бы не запереть, а то мало ли что...») оценивается как проявление *осторожности*, как стремление оградить себя от опасности, т. е. быть *осторожным*. Но проявлять осторожность может только тот человек, которому присуща эта осторожность, для которого она является одной из черт характера. Однако это не значит, что *из + род. п.* выражает «активное выявление»¹³ некоторого качества, присущего субъекту-агенту (для старухи слишком сложны рассуждения типа «Я осторожна, сейчас самое время проявить эту осторожность, поэтому надо действовать...»). Таким образом, *из осторожности*, так же как и *из тщеславия, из деликатности, из вежливости, из честности, из благодарности, из преданности, из солидарности* и т. п., — это причина-оценка, причина, выявленная с точки зрения говорящего. Но если все-таки предположить, что субъект-деятель (агенса) осознавал необходимость быть деликатным, вежливым, благодарным и т. п., то вряд ли он мог действовать целенаправленно, видя в основе своих поступков «*грубое любопытство*» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы), «*фальшивую скромность*» (Н. Г. Чернышевский, Что делать?), либо считая для себя необходимым быть *тщеславным, вредным, злым, корыстным* и т. п.

Каузативная конструкция «субъект-агенса и его каузированное целенаправленное действие», образованная каузативной синтаксемой *из + + род. п.* на базе исходной модели «субъект-агенса и его действие», выражает оценку всей каузативной ситуации в целом: причиной действия оказывается определенная целевая установка агенса, наличие этой установки (этой целевой направленности) объясняется говорящим как проявление определенного (положительного или отрицательного) качества субъекта, как проявление его отношения к окружающей действительности. Каузированное действие вполне соответствует целевой направленности субъекта-агента, поэтому для него оказывается несущественной прагматическая окраска его действия, это действие с точки зрения самого агенса не снабжается ни знаком +, ни знаком —. Оценочные признаки «хорошо/плохо» [25, с. 273—294] приписывает следствию (а потом и причине) говорящий, автор высказывания, см., например:

(+) «Старый Берестов ... молчал *из вежливости*» (А. С. Пушкин, Повести Белкина); «Из деликатности они соглашались признать за нею права собственности» (Ф. М. Достоевский, Бесы); «Сделал он так явно *из уважения к Толику*» (Г. Троепольский, Белый Бим Черное ухо).

(—) и «Она с тобой накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за урода, *из покорности к маменьке*» (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); «Брат Иван и Миусов приедут *из любопытства*, может быть *самого грубого*» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); «Она боялась, чтобы дочь *из излишней честности* не отказала бы Вронскому» (Л. Н. Толстой, Анна Каренина), «А тут еще голод. *Из издевательства* ведь голод, не по нужде» (К. Федин, Необыкновенное лето).

Интересно, что существительные типа *неосторожность, неделикатность, беспорядочность, беспринципность* и т. п. не образуют синтаксемы *из + род. п.*, поскольку они не могут выражать причину контроли-

¹³ О подобном толковании семантики *из + род. п.* см. подробнее [24].

руемого сознанием субъекта (агенса) действия, они обозначают качества, которые не могут служить основой осознанной целевой установки деятеля, не могут давать следствий, соответствующих намерениям субъекта. Говорящий (или воспринимающий, познающий), оценив следствие как целенаправленное действие, соответствующее целевой установке субъекта-агенса, понимает, что причиной подобного рода следствий является активное качество субъекта или его отношение к окружающим, то качество, чувство, отношение, которое проявляется в активных действиях (независимо от прагматического показателя «хорошо/плохо»). Отсутствие же в характере субъекта-агенса активных качеств приводит к иным следствиям, возникают иные каузативные ситуации, требующие иных средств языкового выражения, см., например: «последние четыре года жила с мужем в совершенной разлуке, *по несходству характеров...*» (Ф. М. Достоевский, Бесы); «После обеда, *по свойственной всем студентам благоглупости*, я, сытый и довольный, запрыгал за спиной Билибина и показал ему язык, не соображая того, что он... видел мой фортель...» (А. П. Чехов, Из письма В. В. Билибину от 11 марта 1886 г.); «Бланки не были своевременно изъяты из обращения *по халатности* одного из офицеров штаба» (В. Богомолов, В августе сорок четвертого); «Он был обижен... на батьку Махно, убившего *по своей глупости и политической безграмотности* атамана Григорьева...» (Ю. Кларов, Розыск); «В войне он *по молодости* не участвовал» (А. и Б. Стругацкие, Извне).

Здесь, так же как и в предложениях с *из + род. п.*, все решает говорящий: он, рассмотрев все компоненты каузативной ситуации (субъект-агенса и его каузированное действие или состояние + некоторая причина), оценивает следствие как непредвиденное деятелем, неожиданное для него (субъекта-агенса), нежелательное или заслуживающее снисхождения. Причиной же оказывается определенное (как правило, негативное или снисходительно оцениваемое говорящим) качество субъекта или его промах в выборе цели: *по неосторожности, по невнимательности, по неосмотрительности, по недомыслию, по глупости, по дурости, по наивности, по ошибке* и т. п.

Таким образом, выбор именной каузативной синтаксемы обусловлен оценкой следствия с точки зрения говорящего¹⁴. Следствия разного рода не могут быть порождены однородными причинами, между типом следствия и типом причины существует однозначное соответствие. Устанавливает же это соответствие говорящий, автор высказывания. Его точка зрения определяет тип каузативной ситуации, а следовательно, и тип каузативной конструкции. Рассматриваемые два типа каузативных конструкций различаются не только именными каузативными синтаксемами и общей семантикой каузативной ситуации, но и объемом временной и модальной парадигмы, возможным для каждой из каузативных конструкций: в предложениях с *по + дат. п.* глагол, как правило, стоит в прошедшем времени, для них невозможны большинство модальных и экспрессивных модификаций (например, побудительные предложения), которые свободно образуются на базе каузативных конструкций с *из + род. п.* См., например: «Если я осмеливаюсь беспокоить вас, то именно *из чувства раскаяния*» (А. П. Чехов, Смерть чиновника); «Следовало бы,... несмотря ни на какие идеи, единственно *из простой вежливости*, подойти и благословиться у старца...» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); «О! выслушай — *из сожаленья!*» (М. Ю. Лермонтов, Демон); «Да хоть *из любопытства* прочтите» (И. А. Гончаров, Обломов); «Так станем же запомним/Из *набожности* пить» (Ф. И. Тютчев, Противникам вина).

При этом невозможны предложения типа **Я расскажу эту историю по глупости*, **Семен поставит сапоги в 64-й номер по ошибке*, **Сходи туда по недоразумению, по рассеянности, по неосторожности*, что объясняется

¹⁴ На важность семантики следственного компонента указывает в своей статье Т. А. Яценко: «При изучении выражения причины осознанного действия слушатели еще раз убеждаются, что семантика следственного компонента определяет выбор именной группы» [26].

семантикой каузативных конструкций с *по + дат. п.* — они выражают причинение непредвиденного следствия.

Сопоставление (вернее, противопоставление) именных каузативных синтаксисом *из + род. п.* и *по + дат. п.* позволяет выявить определенную общность этих синтаксисов (в пределах системы именных каузативных синтаксисов): их непосредственную связь с точкой зрения говорящего, которая выражается не только в отборе каузативных конструкций для выражения данной каузативной ситуации, но и в категориальной семантике имен, образующих каждую из рассматриваемых синтаксисов.

Синтаксису *из + род. п.* образуют следующие имена отвлеченной семантики¹⁵: *аккуратность, алчность, бдительность, благоговение, благородность, благородство, брезливость, вежливость, великодушие, верность, вредность, гордость, деликатность, дерзость, дружелюбие, жalousь, зависть, застенчивость, злобредность, интеллигентность, интерес, каприз, кокетство, корысть, любознательность, любопытство, любовь, милость, мнительность, нахальство, ненависть, непокорство, осмотрительность, осторожность, отвращение, подобострастие, подозрительность, порядочность, преданность, почтительность, признательность, расположение, ревность, самолюбие, симпатия, скромность, солидарность, сочувствие, трусость, упрямство, хитрость, честность, чуждость, щедрость* и др.

Синтаксису *по + дат. п.* образуют следующие имена отвлеченной семантики: *безграмотность, безалаберность, беспорядочность, беспечность, близорукость, болезнь, доброта, глупость, жадность, забывчивость, застенчивость, легкомыслие, леность, малодушие* и др.¹⁶

Несмотря на то, что именные каузативные синтаксисы *из + род. п.* и *по + дат. п.* определенным образом распределили между собой имена (*из + род. п.* — «активный признак», *по + дат. п.* — отсутствие «активного признака»), все существительные, образующие данные синтаксисы, принадлежат к классу оценочных имен, где оценка, или проекция на ось «плохо — хорошо», включается в семантику единицы в целом [25, с. 275], т. е. принадлежат к классу слов, которые могут быть произнесены только субъектом воспринимающим, только тем, кто познает окружающую действительность.

Таким образом, рассмотренные выше каузативные конструкции позволяют увидеть определенную дистанцию между точкой зрения субъекта действующего (агенса) и субъекта мыслящего и говорящего. Именно это расстояние позволяет говорящему охватить взглядом всю каузативную ситуацию, взглянуть на нее со стороны. Это расстояние сохраняется и в рассуждениях о своих собственных поступках (в «Ich-Erzählung») в подобной ситуации не говорящий встает на точку зрения субъекта-деятеля, а субъект «поднимается» до говорящего; однако дистанция между «Я» действующим и «Я» говорящим сохраняется¹⁷. Поэтому не стоит употреблять термин «самооценка» в том смысле, как это понимает Т. А. Яценко: в сочетаниях типа «рассказать о своих успехах из тщеславия, из заносчивости» она усматривает значение «завышенной самооценки» [29]. Предположим, что кто-то говорит о своих успехах, желая показать свое превосходство, и это оценивается говорящим как проявление тщеславия, заносчивости, слишком высокого мнения о себе, или «завышенной самооценки». Но ведь «завышенность» эту видит говорящий, а не сам субъект, более того, может быть, никакой «завышенной самооценки» и нет: просто человеку хотелось поделиться своей радостью, говорящий же в силу какой-то предубежденности видит (или хочет видеть) в нем то, чего нет. А потому причинно-следственные отношения, установленные одним субъектом (воспринимающим), всегда могут быть

¹⁵ В русском языке XX в. предлоги *по* и *из* в сочетании с предметными именами не образуют каузативных синтаксисов, дающих односубъектные каузативные конструкции (*по + дат. п.* предметного имени образуют двусубъектные: *тосковать по книгам, понять по сапогам*).

¹⁶ Более полный список имен, образующих синтаксису *по + дат. п.*, см. в книге В. А. Ицковича [27].

¹⁷ О расслоении авторского «Я» см. в статье В. З. Демьянкова [28].

опровергнуты другим субъектом (говорящим), см., например, два отрывка из романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «...вчера он рассказывал постороннему лицу, что она держит его *из тщеславия*» и «...но он одного только в ней не приметил..., что она держит и содержит его *вовсе не из одной только «зависти к его талантам»*».

Находясь вне событий и «используя свою венаходимость для окончательного осмысления» [13, с. 82], говорящий оценивает каузативную ситуацию. Если автор высказывания осознает субъективность своей оценки, т. е. осознает дистанцию между объектом познания и субъективным знанием о нем, он определенным образом модифицирует свое высказывание, пользуясь категориями модальности: ориентирует его на оси «достоверность — недостоверность». А отсюда столь естественным оказывается сосуществование модальных слов и именных каузативных синтаксем в одном высказывании, см., например: «Хорь выражался иногда мудрено, *должно быть из осторожности*» (И. С. Тургенев, Записки охотника); «И деньги без цены! Люди за них душу теряют, а для вас они так себе! *Как будто из милости к людям вы их при себе держите*» (М. Горький, Мать); «И я понял, что он ночью тоже думал об Узелкове, но только, *может быть, из самолюбия* не хотел лишний раз говорить об этом» (П. Нилин, Жестокость); «Экзаменатор... *по каким-то соображениям, а может, просто из вредности характера*, обязательно хотел меня срезать» (Ю. Кларов, Розыск).

Сосуществование модальных слов и каузативных синтаксем в одном высказывании указывает на (1) их общий источник — план воспринимающего субъекта, а также на (2) их разнопорядковость, разнофункциональность.

Модальные слова — это оценка говорящим своего высказывания, а точнее информации, переданной в этом высказывании, в плане ее реальности/ирреальности [30]. В художественном тексте модальные слова являются показателями смены регистров (или типов речи)¹⁸, своеобразными «стрелками», указывающими на точку зрения, с которой ведется повествование¹⁹.

Именные каузативные синтаксемы выражают оценку двух причинно соотнесенных событий объективной действительности, или каузативной ситуации, в системе морально-этических ценностей человека. На субъективность этой оценки, на ее непосредственную связь с определенной точкой зрения указывают «стрелки» вводно-модальных слов.

Таким образом, приведенные выше наблюдения над именными каузативными синтаксемами позволяют сделать следующие выводы.

1. Теория членов предложения, в рамках которой до сих пор рассматривались причинные предложно-падежные сочетания (обстоятельства причины), не позволяет исследователю увидеть структуру каузативной конструкции во всей ее сложности и многоплановости, ограничивает его возможности выявить связь каузативной конструкции с точкой зрения субъекта познающего и говорящего.

2. Анализ двух синтаксем показал, что каузативные конструкции, образуемые этими синтаксемами, выражают взгляд на причинно-следственные отношения извне, оценку каузативной ситуации с точки зрения говорящего. Сами же каузативные синтаксемы есть одно из средств углубления субъектной перспективы предложения.

3. Субъект познающий (воспринимающий, оценивающий данную ситуацию), автор данного высказывания — это один из элементов в структуре художественного текста, через него каузативная конструкция соотносится с высшей субъектной инстанцией — «образом автора».

4. Синтаксический анализ не может быть только формальным, однолинейным, замкнутым в самом себе, он должен открывать подступы к структуре текста.

¹⁸ О понятия регистра см. в книге Г. А. Золотовой [22, с. 348—356].

¹⁹ «Данные слова употребляются им (автором.— О. Н.) не потому, что автор не уверен в действительных ощущениях персонажей — но именно с тем, чтобы указать на точку зрения, с которой ведется описание» [17, с. 116].

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный русский язык. Под ред. Галкиной-Федорук Е. М. Ч. II. М., 1964, с. 389.
2. Русская грамматика. Т. II. М., 1980, с. 160—161.
3. *Назикова Е. А.* Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1952.
4. *Попова Л. Н.* Предлоги, выражающие причинные отношения в современном русском литературном языке, и их синонимия: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1956.
5. *Калиберзин Р. Я.* Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1958.
6. *Назикова Е. А.* Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1952, с. 8.
7. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
9. *Никитина С. Е.* О семантическом варьировании русских предлогов.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979, с. 124.
10. *Ломтев Т. П.* Очерки по истории синтаксиса русского языка. М., 1976.
11. *Калиберзин Р. Я.* Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1958, с. 27—28.
12. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959, с. 84—166.
13. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
14. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970, с. 320—335.
15. *Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
16. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста.— ИАН СЛЯ, 1983, № 4.
17. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М., 1970.
18. *Апресян Ю. Д.* Принципы семантического описания единиц языка.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1980, вып. 519, ч. II, с. 8—9.
19. *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики (проблема субъекта).— ИАН СЛЯ, 1981, № 4, с. 325—332.
20. *Степанов Ю. С.* Иерархия имен и ранги субъектов.— ИАН СЛЯ, 1979, № 4, с. 348.
21. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972, с. 541.
22. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
23. *Аристотель.* Риторика.— В кн.: Античные риторики, М., 1978.
24. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в. М., 1964, с. 36.
25. *Вольф Е. М.* Варьирование в оценочных структурах.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
26. *Яценко Т. А.* Выражение каузальных отношений в структуре простого предложения.— Русский язык за рубежом, 1982, № 2, с. 102.
27. *Ицкович А. В.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982, с. 105.
28. *Демьянков В. З.* Прагматические основы интерпретации высказывания.— ИАН СЛЯ, 1981, № 4, с. 368—377.
29. *Яценко Т. А.* Выражение причинно-следственных отношений в структуре простого предложения: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982, с. 9—10.
30. *Золотова Г. А.* Вводно-модальные слова в предложении и в тексте.— *Československá rusistika*, 1983, XXVIII, № 5.